

Глава 13

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Роль личности в истории как философско-историческая проблема

Осмысление хода истории неизбежно вызывает вопросы о роли в ней той или иной личности: изменила ли она ход истории? было ли неизбежным такое изменение или нет? что было бы без этого деятеля? и т. п. Из очевидной истины, что именно люди делают историю, вытекает важная проблема философии истории о соотношении закономерного и случайного, которая, в свою очередь, тесно связана с вопросом о роли личности. В самом деле, жизнь любого человека всегда соткана из случайностей: родится он в тот или иной момент, вступит в брак с тем партнером или другим, умрет рано или будет жить долго и т. п. Это давно известный исторический парадокс Блеза Паскаля о «носе Клеопатры»¹. С одной стороны, мы знаем огромное число случаев, когда смена личностей (даже при таких драматических обстоятельствах, как череда убийств монархов и переворотов) не влекла решающих перемен. С другой стороны, бывают обстоятельства, о которых сказано далее, когда даже мелочь может стать решающей. В любом случае важно понимать, что случайность, совершившись, перестает быть случайностью и превращается в данность, от которой порой в большей или меньшей степени зависит будущее. Поэтому когда какая-то личность появляется и закрепляется в определенной роли (тем самым затрудняя или облегчая приход других), «случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события, определяя, как они будут развиваться» (Лабриола 1960: 18).

Современная наука в целом отвергает идею предопределенности (предзаданности) исторических событий. Выдающийся французский социолог и философ Р. Арон в частности писал: «Тот, кто утверждает, будто индивидуальное историческое событие не было бы иным, если бы даже один из предшествующих элементов не был тем, чем он в действительности был, должен доказать это

¹ «Будь он чуть покороче – облик Земли стал бы иным» (Ларошфуко и др. 1974: 147). То есть если бы нос этой царицы был иной формы, Антоний не увлекся бы ею, не проиграл битву Октавиану, и римская история развивалась бы иначе.

утверждение» (Арон 1993: 506). А раз исторические события не являются предопределенными, то и будущее имеет множество альтернатив и способно измениться в результате деятельности различных групп и их лидеров, оно также зависит от действий самых разных людей, например, ученых. Следовательно, проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна. И она очень актуальна в век глобализации, когда влияние на весь мир определенных людей может возрасти. Человек способен оказать значительное воздействие не только действиями, но и бездействием, не только прямо, но и косвенно, как в период своей жизни, так и после смерти, а заметный след в истории и дальнейшем развитии обществ может быть не только положительным, но и отрицательным, а также – достаточно часто – однозначно и навсегда не определяемым, тем более, что оценка личности зависит от политических и национальных пристрастий.

С позиций провиденциализма (см. главу 1), то есть если признавать реальной некую внеисторическую силу (бога, судьбу, «железные» законы и т. п.) вполне логично считать личности орудиями истории, благодаря которым просто реализуется некая предначертанная программа. Однако в истории слишком много событий персонафицировано, и нередко поэтому роль личности оказывается исключительно значимой. «Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом» (Арон 1993: 506). Поэтому, с одной стороны, именно действия лидеров (а иногда даже и некоторых рядовых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций в критические периоды. Но с другой, нельзя не заметить обусловленность роли личностей общественным устройством, а также особенностью ситуации: в одни периоды (нередко длительные) мало выдающихся людей, в другие (часто весьма короткие) – целые когорты. Люди титанического склада характера терпят неудачу, а ничтожества оказывают гигантское влияние. Роль личности, к сожалению, далеко не всегда пропорциональна интеллектуальным и моральным качествам самой этой личности. Как писал К. Каутский, «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредственности, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский 1931: 687).

Г. В. Плеханов считал, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является “фактором” такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов 1956: 322). В этом есть немалая доля истины. Однако если характер общества дает простор произволу (случай в истории очень распространенный), то плехановское положение не работает. В такой ситуации развитие нередко становится очень зависимым от желаний и личных качеств правителя или диктатора, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле.

Развитие взглядов на роль личности в истории

Рассмотрим представления о роли личности в истории до середины XVIII в. Историография возникла не в последнюю очередь из потребности описать великие деяния правителей и героев. Но поскольку теории и философии истории долгое время не было, то проблема роли личности в качестве самостоятельной не рассматривалась. Лишь в нечетком виде она затрагивалась вместе с вопросом о том, имеют ли люди свободу выбора или все предопределено заранее волею богов, судьбою и т. п. Так, древние греки и римляне в большинстве своем смотрели на будущее фаталистично, так как считали, что судьбы всех людей предопределены заранее (см. главу 1). В то же время греко-римская историография была в основном гуманистической, поэтому наряду с верой в судьбу в ней вполне заметна идея, что от сознательной деятельности человека зависит очень многое. Об этом свидетельствуют, в частности, описания судеб и деяний политиков и полководцев, оставленные такими античными авторами, как Фукидид, Ксенофонт и Плутарх.

Иначе и в определенной мере более логично (хотя, конечно, неверно) проблему роли личности решили в средневековой теологии истории. Согласно этому взгляду, исторический процесс недвусмысленно рассматривался как реализация не человеческих, а божественных целей (см. главу 1). История, по представлениям Августина и более поздних христианских мыслителей (и периода Реформации XVI в., таких как Жан Кальвин), осуществляется по изначально имеющемуся божественному плану. Люди только воображают, что действуют согласно своим воле и целям, а на самом деле Бог избирает некоторых из них для реализации своего замыс-

ла. Но поскольку Бог действует через избранных им людей, то понять роль этих людей означало отыскать намеки на замысел Божий. Вот почему интерес к роли личности в истории в определенном аспекте приобретал особую значимость. И объективно поиск более глубоких причин, чем желания и страсти людей, способствовал развитию философии истории.

В эпоху Возрождения гуманистический аспект истории вышел на первый план. Это стимулировало интерес к вопросу о роли личности в рассуждениях гуманистов. Интерес к биографиям и деяниям великих людей был очень высоким. И хотя роль Провидения по-прежнему признавалась ведущей в истории, но важнейшей движущей силой стала признаваться и деятельность выдающихся людей. Это видно, например, из работы Н. Макиавелли «Государь», в которой он говорит о том, что от целесообразности политики правителя, от его способности использовать нужные средства, включая самые аморальные, зависит успех его политики и в целом ход истории. Макиавелли был одним из первых, кто подчеркнул, что в истории важную роль играют не только герои, но нередко и беспринципные деятели.

В период XVI и XVII вв. растет вера в новую науку, в истории также пытаются найти законы, что было важным шагом вперед. В итоге постепенно вопрос о свободе воли человека решается более логично на основе деизма: роль Бога полностью не отрицается, но как бы ограничивается. Иными словами, Бог создал законы и дал Вселенной первотолчок, но поскольку законы вечны и неизменны, человек свободен действовать в рамках этих законов. Однако в целом в XVII в. проблема роли личности не была столь важна. Рационалисты не формулировали свой взгляд на нее достаточно определенно, но с учетом их представлений о том, что общество есть механическая сумма индивидов, они признавали большую роль выдающихся законодателей и государственных деятелей, их способность преобразовать общество и изменить ход истории.

В эпоху Просвещения возникла философия истории, согласно которой естественные законы общества базируются на вечной и общей природе людей. Господствовало убеждение о том, что общество можно перестроить согласно этим законам на разумных началах. Исходя из этого признавалась высокой и роль личности в истории. Просветители считали, что выдающийся правитель или законодатель мог сильно и даже радикально изменить ход истории.

Например, Вольтер в своей «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» изображал Петра I как некоего демиурга, насаждающего культуру в совершенно дикой стране. Просветители не осознавали того факта, что личность не может возникнуть ниоткуда, она должна в какой-то мере соответствовать состоянию общества. Однако в смысле развития интереса к теме роли личности просветители сделали много. С периода Просвещения она становится одной из важных теоретических проблем.

В первые десятилетия XIX в., в период господства романтизма (см. главу 2), происходит поворот в трактовке вопроса о роли личности. Представления об особой роли мудрого законодателя или основателя новой религии на пустом месте сменились подходами, которые ставили личность в соответствующее историческое окружение. Если просветители пытались объяснить состояние общества законами, которые издавали правители, то романтики, наоборот, выводили правительственные законы из состояния общества, а изменения в его состоянии объясняли историческими обстоятельствами. Романтики и близкие им направления мало интересовались ролью исторических личностей, так как основное внимание они уделяли «народному духу» в разные эпохи и в его различных проявлениях. Для развития проблемы роли личности немало сделали французские историки-романтики времен Реставрации (Ф. Гизо, О. Тьерри, А. Тьер, Ф. Минье, Ж. Мишле). Однако они ограничивали эту роль, считая, что великие исторические деятели могут только ускорить или замедлить наступление того, что неизбежно и необходимо. И по сравнению с этим необходимым все усилия великих личностей выступают лишь как малые причины развития. Фактически такой взгляд был усвоен и марксизмом.

Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) в отношении роли личности высказывал во многом сходные с романтиками взгляды (о различиях см. в главе 2). Исходя из своей провиденциалистской теории, он считал, что «все действительное разумно», то есть служит осуществлению необходимого хода истории. Согласно Гегелю призывание «всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» (Гегель 1935: 30). Вот почему он считал, что великая личность не может сама творить историческую реальность, а лишь раскрывает неизбежное будущее развитие. Дело великих личностей понять необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и

вложить в ее осуществление свою энергию. Однако так ли «необходимо», а главное, «разумно» было появление, например, Чингисхана и последовавшие за этим разрушения, гибель стран? Или приход к власти Гитлера, возникновение Германского нацистского государства и развязанная им Вторая мировая война? Словом, в таком подходе многое противоречило реальной исторической действительности.

Попытки увидеть за канвой исторических событий глубинные процессы и законы были важным шагом вперед. Однако на длительное время зародилась тенденция преуменьшать роль личности, утверждая, что в результате закономерного развития общества при потребности в том или ином деятеле одна личность всегда заменит другую.

Едва ли не сильнее Гегеля идеи провиденциализма выразил Л. Н. Толстой в своих знаменитых философских отступлениях в романе «Война и мир». Согласно Толстому, значение великих людей только кажущееся, на самом деле они лишь «рабы истории», осуществляющейся по воле Провидения. «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, ...чем больше власти он имеет..., тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка», – утверждал он.

Английский философ Томас Карлейль (1795–1881) был одним из тех, кто вернулся к идее выдающейся роли личностей, «героев» в истории. Одно из самых известных его произведений, оказавших очень сильное влияние на современников и потомков, называлось «Герои и героическое в истории» (1840). Согласно Карлейлю, всемирная история есть биография великих людей. Он и сосредоточивается в своих работах на тех или иных личностях и их роли, проповедует высокие цели и чувства, пишет целый ряд блестящих биографий. О массах он говорит гораздо меньше. По его мнению, массы нередко только орудие в руках великих личностей. По Карлейлю, существует своего рода исторический круг, или цикл. Когда героическое начало в обществе ослабевает, наружу могут вырваться скрытые разрушительные силы массы (в революциях и восстаниях), и они действуют, пока общество вновь не обнаружит в себе «истинных героев», вождей (таких как Кромвель или Наполеон).

В последней трети XIX – начале XX в. идеи личности-одиночки, способной совершить благодаря силе своего характера и интеллекта невероятные вещи, в том числе повернуть ход истории, были

очень популярны, особенно среди революционно настроенных молодых людей. Это сделало актуальным вопрос о роли личности в истории в формулировке Т. Карлейля: взаимоотношений «героя» и массы (в частности стоит отметить «Исторические письма» революционера-народника П. Л. Лаврова). Существенный вклад в развитие этой проблемы внес Н. К. Михайловский (1842–1904). В своей работе «Герои и толпа» он формулирует новую теорию и показывает, что под личностью необязательно понимать выдающуюся личность. В принципе важную роль могла сыграть любая личность, которая волей случая оказалась в определенной ситуации во главе или просто впереди массы. Михайловский в отношении исторических личностей не развивает подробно эту тему. Его статья скорее имеет психологический аспект. Смысл идей Михайловского состоит в том, что личность вне зависимости от ее качеств может в определенные моменты резко усилить своими эмоциональными и иными действиями и настроениями толпу (аудиторию, группу), отчего все действие приобретает особую силу. Словом, роль личности зависит от того, насколько ее психологическое воздействие усиливается восприятием массы. В чем-то похожие выводы (но существенно дополненные за счет его марксистской классово-позиции и касающиеся уже более или менее организованной массы, а не толпы) позже сделал один из видных теоретиков марксизма К. Каутский.

Марксистский взгляд наиболее систематически изложен в работе Г. В. Плеханова (1856–1918) «К вопросу о роли личности в истории». Хотя марксизм порвал с теологией и объяснял ход исторического процесса материальными факторами, он многое унаследовал от объективной идеалистической философии Гегеля в целом и в отношении роли личности в частности. Маркс, Энгельс и их последователи считали, что исторические законы инвариантны, то есть реализуются при любых обстоятельствах (максимум вариации: немного раньше или позже, легче или тяжелее, более или менее полно). В такой ситуации роль личности в истории представляла собой небольшую. Личность может, по выражению Плеханова, лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то ее

непрерывно бы заменила другая, выполнившая ровно ту же историческую роль.

Такой подход фактически базировался на идеях неизбежности осуществления законов (действующих вопреки всему, с «железной необходимостью»). Но таких законов нет и быть не может в истории, поскольку в мировой системе общества играют разную функциональную роль, которая нередко зависит от способностей политиков. Если посредственный правитель промедлит с реформами, его государство может попасть в зависимость, как например, случилось в Китае в XIX в. В то же время правильно проведенные реформы способны превратить страну в новый центр силы (так Япония в это же столетие сумела перестроиться и сама стала совершать захваты).

Кроме того, марксисты не учитывали, что личность не только действует в определенных обстоятельствах, но когда обстоятельства позволяют, в известной мере творит их согласно собственным пониманию и особенностям. Например, в эпоху Мухаммеда в начале VII в. арабские племена чувствовали потребность в новой религии. Но какой она могла стать в своем реальном воплощении, во многом зависело уже от конкретной личности. Иными словами, пояись другой пророк, даже при его успехе религия была бы уже не исламом, а чем-то другим, и сыграли бы тогда арабы столь выдающуюся роль в истории, можно только гадать. Наконец, многие события, включая социалистическую революцию в России (именно ее, а не вообще революцию в России) надо признать результатом, который мог бы и не осуществиться без совпадения ряда случайностей и выдающейся роли Ленина (в известной мере и Троцкого).

В отличие от Гегеля в марксизме во внимание принимаются уже не только положительные, но и отрицательные деятели (первые могут ускорить, а вторые замедлить реализацию закона). Однако оценка «положительной» или «отрицательной» роли существенно зависела от субъективной и классовой позиции философа и историка. Так, если революционеры считали Робеспьера и Марата героями, то более умеренная публика рассматривала их как кровавых фанатиков.

Итак, ни детерминистско-фаталистические теории, не оставляющие творческой исторической роли личностям, ни волюнтаристские теории, которые считают, что личность может изменить ход истории, как ей угодно, не решали проблему. Постепенно филосо-

фы отходят от крайних решений. Давая оценку господствующим течений философии истории, российский философ Х. Раппопорт писал в конце XIX в., что, помимо двух вышеуказанных, есть и третье возможное решение: «Личность есть как причина, так и продукт исторического развития... это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» (Раппопорт 1899: 47).

Близким к промежуточной позиции оказался подход известного русского социолога Н. И. Кареева, изложенный в его объемной работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890; 2-е изд. 1914). В целом это был верный подход. Поиск некоей золотой середины позволял увидеть разные аспекты проблемы. Однако все же такой средний взгляд многого не объяснял, в частности, когда и почему личность может оказывать крупное, решающее воздействие на события, а когда нет.

Возвращаясь к проблеме отношений лидера и масс, важно отметить, что Михайловский и Каутский верно уловили этот социальный эффект: сила личности возрастает до колоссальных размеров, когда за ней идет масса и тем более, когда эта масса организована и сплочена. Но диалектика взаимоотношений личности и массы все же существенно сложнее. В частности важно понять, является ли личность только выразителем настроений массы или, напротив, масса инертна и личность может направлять ее.

Отвечая на этот вопрос, политологи выделяют в изучении лидерства две разные группы теорий – теории черт лидера и теории последователей. По этой причине ясно, что сила личностей нередко напрямую связана с мощью организаций и групп, которые они представляют, а наибольших успехов при этом добивается именно тот, кто лучше сплачивает своих сторонников. Но это вовсе не отменяет факт, что именно от личных особенностей лидера порой зависит, куда повернет эта общая сила. Поэтому роль лидера в такой ответственный момент (сражение, выборы и пр.), степень его соответствия роли имеет, можно сказать, определяющее значение, поскольку, как писал А. Лабриола, само сложное переплетение условий приводит к тому, что «в критические моменты определенные личности, гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово» (Лабриола 1960: 183).

Сравнивая роль масс и личностей, мы видим: на стороне первых – численность, эмоции, отсутствие персональной ответствен-

ности. На стороне вторых – осознанность, цель, воля, план. Поэтому можно сказать, что при прочих равных условиях роль личности наибольшей будет тогда, когда преимущества масс и лидеров соединятся в одну силу. Оттого расколы так уменьшают мощь организаций и движений, а наличие соперничающих лидеров может вообще свести ее к нулю. Итак, несомненно, что значение деятелей определяет много факторов и причин. Таким образом, развивая эту проблему, мы уже перешли к анализу современных взглядов.

Заметным шагом вперед в развитии рассматриваемой темы стала книга С. Хука «Герой в истории. Исследование пределов и возможностей» (Hook 1955 [1943]). Эта монография до сих пор является одним из наиболее часто упоминаемых трудов в данной области. Хук приходит к важному выводу, который существенно объясняет, почему роль личности может колебаться в разных условиях. Он отмечает, что, с одной стороны, деятельность личности действительно ограничена обстоятельствами среды и характером общества, но с другой – роль личности существенно повышается до состояния, когда она становится независимой силой в случае, если в развитии общества появляются альтернативы. При этом он подчеркивает, что в ситуации альтернативности от качеств личности может зависеть и выбор альтернативы. Хук не дает классификацию таких альтернатив и не связывает наличие альтернатив с состоянием общества (стабильное – нестабильное), но ряд приведенных им примеров касается наиболее драматических моментов (революций, кризисов, войн).

В главе 9 своей книги Хук делает важное различие между историческими деятелями по степени их воздействия на ход истории, деля их на людей, влияющих на события, и людей, создающих события. Хотя Хук четко не разделяет личности по объему их влияния на отдельные общества или на человечество в целом, тем не менее В. И. Ленина он относил к людям, создающим события, поскольку в определенном отношении тот значительно изменил направление развития не только России, но и всего мира в XX в. Хук придает большое значение случайностям и вероятностям в истории в отношении к роли личности, но в то же время он резко против попыток представить всю историю как волны случайностей.

Современные взгляды на роль личности

Во второй половине XX – начале XXI в. среди многих авторов, так или иначе касающихся этих вопросов, следует назвать философов У. Дрея, К. Гемпеля, Э. Нагеля, К. Поппера, экономиста и философа Л. фон Мизеса и др., причем между некоторыми из них в конце 1950 – начале 1960-х гг. велись интересные дискуссии вокруг проблем детерминизма и законов истории (Hook 1963; Кон 1977). В частности, высказывались интересные мысли о мотивах поступков исторических деятелей и соотношении мотивов и результатов.

В середине XX в. окончательно сформировался системный подход, который потенциально открывал возможность по-новому взглянуть на роль личности. Появились также теории, которые пытались использовать для решения проблемы роли личности законы входившей в моду биологии, особенно дарвинизма и генетики (например, американские философ У. Джеймс и социолог Ф. Вудс).

Однако более важными здесь оказались синергетические исследования. Синергетическая теория (И. Пригожин, И. Стенгерс и др.) различает два главных состояния системы: порядка и хаоса. Эта теория потенциально помогает углубить понимание роли личности. В отношении общества ее подходы можно интерпретировать следующим образом. В состоянии порядка система/общество не допускает существенной трансформации. Зато хаос, несмотря на негативные ассоциации, часто означает возможность для нее перейти в другое состояние (как на более высокий, так и на более низкий уровень). Если скрепляющие общество связи/институты ослаблены или разрушены, оно какое-то время находится в очень неустойчивом положении. Это особое состояние в синергетике получило название «бифуркация» (развилка). В точке бифуркации (революции, войны, перестройки и т. п.) общество может повернуть в ту или иную сторону под влиянием различных, даже незначительных в целом причин. Среди этих причин почетное место занимают те или иные личности.

Интересные замечания о том, что роль личности проявляется по разному в устойчивые и неустойчивые переломные периоды жизни общества можно найти в трудах А. Грамши, А. Лабриолы, Дж. Неру и других мыслителей. Соответственно, чем менее прочно и устойчиво общество и чем сильнее разрушены старые конструкции, тем большее влияние может оказать на него отдельная личность. Иными словами, роль личности нередко бывает обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.

В современной общественной науке выработано и специальное понятие, которое объединяет воздействие всех типичных причин – «фактор ситуации». Он складывается из: а) особенностей среды, в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи); б) состояния, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей исторического времени; д) происходили ли события в центре мировой системы или на ее периферии (первое увеличивает, а второе уменьшает влияние определенных личностей на другие общества и исторический процесс в целом); е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей. Чем больше из указанных пунктов благоприятствует личности, тем важнее может быть ее роль.

Можно предположить, как личность оказывает влияние на исторический процесс в различных фазах динамики общества. В течение относительно спокойного периода развития общества (первая фаза) роль личности хотя и существенна, но все же не слишком велика (хотя в абсолютных монархиях все, что касается монарха, может стать очень важным, особенно во второй фазе). Когда строй начинает клониться к закату, а решение неудобных для власти вопросов оттягивается, возникает кризис (вторая фаза). С ним появляется много личностей, стремящихся к насильственному их разрешению (переворот, революция, заговор). Возникают альтернативы развития, за которыми стоят различные социально-политические силы, представленные персоналиями. И от особенностей этих персон в той или иной степени зависит теперь, куда может повернуть общество. В тот момент, когда строй гибнет под влиянием революционного напора, возникает «точка бифуркации», переломный момент, после которого появляются альтернативные сценарии дальнейшего развития событий (третья фаза). Общество никогда не имеет заранее однозначного решения. Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то меньше вероятностей проявиться, но это соотношение под влиянием разных причин может резко измениться.

В такие переломные периоды лидеры иногда, подобно гирькам, способны перетянуть чашу исторических весов в ту или иную сторону. В эти бифуркационные моменты сила личностей, их индиви-

дуальные качества, соответствие своей роли и т. д. имеет огромное, часто определяющее значение, но в то же время итог деятельности (а следовательно, и истинная роль) личности может оказаться совсем иным, чем она сама предполагала. Бывает и так, что, получив влияние, лидеры под воздействием самых разнообразных личных и общих причин приводят общества к совершенно непредсказуемым результатам.

После закрепления у власти какой-либо политической силы борьба нередко происходит уже в стане победителей (четвертая фаза). Она связана как со взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новый порядок может определенно связываться именно с каким-то конкретным человеком (вождем, пророком и т. п.) Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста влияния конкурентов со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями победившей личности и окончательно придает облик обществу.

С течением времени структура застывает и уже во многом новые порядки формируют лидеры. Афористично выразили это философы прошлого: «Когда общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров». Несомненно, что проблема роли личности в истории далека от своего окончательного решения.

Рекомендуемая литература

- Гринин Л. Е. 2008.** О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.
- Гринин Л. Е. 2011.** Личность в истории: современные подходы. *История и современность* 1: 3–40.
- Плеханов Г. В. 1956.** К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения*: в 5 т. Т. 2, с. 300–334. М.
- Карлейль Т. 1994.** *Теперь и прежде. Герои и героическое в истории*. М.
- Михайловский Н. К. 1998.** *Герои и толпа: Избранные труды по социологии*: в 2 т. Т. 2. СПб.
- Hook S. 1955.** *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility*. Boston.